

Раздел 3

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

А. Н. Киров

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ВЫДЕЛЕНИИ ТЕРРИТОРИЙ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ КОЛОНИСТОВ В ПОВОЛЖЬЕ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

В истории России XVIII век был периодом активной колонизации незаселенных территорий как внутри империи, так и присоединенных в результате многочисленных войн. Колонизация представляет собой элемент государственной политики, осуществляемой с определенными целями — политическими, военными, экономическими. В России этот процесс активно проходил начиная с Киевской Руси и усилился в период образования Русского централизованного государства. В XVI в., в годы правления Ивана Грозного, были присоединены территории Поволжья и Западной Сибири, в XVII в. в состав России вошла Левобережная Украина. Ништадтский мирный договор 1721 г. закрепил за Россией побережье от Выборга до Риги, Лифляндию, Эстляндию, часть Карелии. В результате Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Россия получила Азов, Керчь, Еникале, Кинбурн, в 1783 г. присоединила Крым. В результате Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. русская граница на юге была передвинута до Днестра. В Причерноморье в состав России вошли огромные пространства, началось строительство таких городов, как Севастополь, Херсон, Николаев, Екатеринослав. В ходе трех разделов Речи Посполитой к России отошли Белоруссия и Правобережная Украина, Литва, Курляндия и часть Волыни.

В России практически отсутствовало свободное население, способное освоить огромные пространства присоединенных земель. В 20-х гг. XVIII в., по подсчетам В.М. Кабузана, общая численность населения Рос-

сии составляла 15,6 млн. человек. В 1724 г. в результате первой ревизии было учтено 6 552 337 душ крестьян мужского пола, из них только помещичьих было 3 193 085 человек¹. Население, попавшее в ревизские сказки и обязанное платить подушную подать, не имело права на свободное передвижение. Екатерина II за 35 лет своего правления превратила в крепостных путем пожалования дворянству еще 800 тыс. душ и распространила крепостное право на территорию Левобережной Украины. Павел I менее чем за пять лет сделал крепостными еще 600 тыс. человек и распространил крепостничество на Екатеринославскую, Кавказскую, Таврическую губернии и другие районы юга².

Поэтому со второй половины XVIII в. заселение территорий в России стало проводиться в основном за счет иммиграции иностранцев. Иммиграция — въезд в страну на постоянное или временное проживание граждан другой страны с получением ими нового гражданства. Иммиграция играла важнейшую роль в заселении многих частей света и многих стран, оказывала значительное влияние на динамику и численность населения³. Определенную роль иммиграция сыграла и в истории освоения пространств России.

Основная часть переселенцев в XVIII в. устремлялась в Нижнее Поволжье, Южное Предуралье, Новороссию. Процесс этот регулировался законодательно. Законодательные акты, регламентировавшие расселение иностранцев в России, представляют большой интерес. Поскольку они не изучались специально в качестве исторического источника, мы поставили целью рассмотреть их нормы и показать, как происходило выделение территорий для поселения иностранцев, в какие области, города и районы планировалось приглашать иностранных переселенцев. Учитывая объем статьи, мы ограничились законодательными актами, изданными Екатериной II по выделению земель для иностранцев в Поволжье и центральной части России. Именно Екатерина начала политику широкомасштабного приглашения иностранных колонистов на неосвоенные земли.

В Полном собрании законов Российской империи нами выявлено восемь законодательных актов, посвященных этой теме, один из них был издан в форме манифеста, четыре — в форме именных указов, три — в форме высочайше утвержденных докладов. Эти семь законодательных актов дополняли два сенатских указа, развивавших их нормы.

Наиболее важным в ряду этих документов является Манифест Екатерины II от 22 июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают, и о дарованных им правах»⁴. Большое значение, придававшееся Екатериной II политике приглашения иностранцев в Россию, нашло свое отражение уже в выборе самой формы документа: манифест — это торжественный акт

царя, в котором он объявлял о своих правах, намерениях, о чрезвычайном событии или принятии важной меры.

Верховная власть так излагала причины приглашения иностранцев: «...ведая пространство земель нашей империи, между прочего усматриваем наивыгоднейших к населению и обитанию рода человеческого полезнейших мест, до сего еще праздно остающихся немалое число, из которых многие в недрах своих скрывают неисчерпаемое богатство разных металлов, а как лесов, рек, озер и к коммерции подлежащих морей довольно, то и к размножению многих мануфактур, фабрик и прочих заводов способность великая». Таким образом, власть возлагала надежды на то, что привлечение иностранных поселенцев будет способствовать освоению новых пространств, речных и морских путей, строительству мануфактур, торговле, развитию и подъему экономики России в целом.

Поэтому Екатерина II от имени государства приглашала иностранцев «в империю нашу въезжать и селиться, где кто пожелает, во всех наших губерниях». Переселенцы должны были являться в Канцелярию опекунства иностранных, которая учреждалась именным указом от 22 июля 1763 г.⁵ в связи с ожиданием большого потока иностранных колонистов. Президентом канцелярии был назначен генерал-адъютант и действительный камергер граф Г.Г. Орлов, который должен был назначить остальных членов канцелярии по своему усмотрению. (В законе это учреждение именовалось Канцелярией опекунства *иностранных*, в дальнейшем мы будем называть его Канцелярией опекунства *иностранцев*).

Согласно Манифесту 1763 г. иностранцы могли обращаться не только в эту канцелярию в Петербурге, но и к губернаторам или «главным городским начальникам» приграничных городов. Не располагавшие достаточной суммой для переезда могли обратиться за финансовой помощью к российским министрам или резидентам, находившимся при иностранных дворах. Последние должны были немедленно отправить желающих в Россию, снабдив путевыми деньгами. Колонистам, являвшимся в Канцелярию опекунства иностранцев, полагались кормовые деньги и бесплатные подводы, чтобы добраться до избранного ими места жительства.

По приезде в Россию в Канцелярии опекунства или в пограничном городе иностранцы должны были «объявить решительное свое намерение, в чем их желание состоит»: записаться в купечество, мещанство, ремесленниками в цехи «или поселиться колониями и местечками на свободных и выгодных землях для хлебопашества и других многих выгодностей». После этого иностранцы должны были дать присягу в вечном подданстве в соответствии со своей верой и обычаями. Иностранцам, селившимся колониями, предоставлялась внутренняя самостоятельность, но они подчинялись российскому гражданскому праву.

Колонисты имели право ввозить с собой беспошлинно все свое имущество; товаров же, предназначенных для продажи, можно было ввести без уплаты пошлин лишь на 300 р. Выезжавшие из России ранее десятилетнего срока должны были уплатить не только вывозные, но и ввозные пошлины. Таким образом, верховная власть путем продуманной таможенной политики старалась привлечь иностранцев на возможно более длительный срок.

Для обустройства на новом месте — на строительство домов, заведение скота, покупку необходимых для хлебопашества и производства материалов и инструментов — российское государство выделяло беспроцентный кредит со сроком погашения в течение 10 лет тремя равными долями.

Переселенцам предоставлялась свобода вероисповедания, давалась возможность строить церкви, иметь необходимое число пасторов, но они не имели права основывать монастыри, запрещалось также склонять православное население к своей вере. Это не относилось к приверженцам ислама, их разрешалось не только обращать в другую веру, но и закрепощать, то есть мусульмане ставились правительством в более униженное положение по сравнению с русским православным населением.

Иностранцы, прибывшие на поселение в Россию, не должны были платить никаких податей, освобождались от постоев, «от всяких налогов и тягостей» на длительные сроки: поселившиеся «на праздных местах» — на 30 лет, в провинциальных городах — на 10 лет, в Санкт-Петербурге, Москве, Эстляндии, Лифляндии, Ингерманландии, в финских и карельских городах — на 5 лет. Переселенцам должны были предоставляться и бесплатные квартиры сроком на полгода. Таким образом, путем льгот и привилегий российские власти стремились привлечь иностранцев к заселению в первую очередь неосвоенных земель и малых городов.

Иностранцев не разрешалось против их воли определять в гражданскую или военную службу, «кроме обыкновенной земской». Поступившие же добровольно на военную службу имели право на премию в размере 30 руб. Иностранные капиталисты, основывавшие в России заводы и фабрики для производства новых видов товаров, получали возможность торговать товарами на экспорт в течение 10 лет беспошлинно. Для заведения заводов иностранцам разрешалось покупать крепостных крестьян, в колониях устраивать ярмарки и торги без уплаты пошлин.

Все эти льготы и «выгоды» распространялись не только на первых поселенцев, но и на остававшихся в России их детей и потомков, в том числе и родившихся здесь, «считая число лет со дня приезда их предков». По прошествии льготных лет иностранные переселенцы должны были нести те же повинности, что и обыкновенные российские подданные.

В тех случаях, если некоторым иностранцам требовались дополнительные льготы, они могли обратиться в Канцелярию опекунства иностранцев.

В манифесте определялись и условия выезда иностранцев из России: прожившие от одного года до пяти лет обязывались отдать в казну пятую часть нажитого имения, а прожившие от пяти до десяти лет и более — десятую часть. Тем самым власть старалась заинтересовать переселенцев в более длительном пребывании в нашей стране.

Таким образом, в Манифесте 1763 г. были законодательно закреплены все основные нормы, необходимые для переселения иностранных колонистов на необжитые российские территории. К документу прилагался «Реестр находящимся в России свободным и удобным к населению землям», в котором четко указывалось, какие территории подлежали заселению. К таковым были отнесены:

1) земли в Тобольской губернии близ города Тобольска, в Барабинской степи, «где к поселению выгодных лесами, реками, рыбными ловлями плодородных земель несколько сот тысяч имеется десятин»;

2) в той же губернии земли, находившиеся в ведомстве Усть-Каменогорской крепости по рекам Убе, Улбе, Березовке, Глубокой и по прочим впадающим в них речкам и притокам Иртыша;

3) в Астраханской губернии от Саратова вверх по реке Волге до реки Теляузики иностранцам отводилось 5 478 десятин сенокоса, 4 467 десятин лесных угодий; в урочище Зауморском Рвойке — 810 десятин сенокоса и 1 131 десятина леса; по берегам речки Тишани — 469 десятин сенокоса и 496 десятин пригодного для строительства леса; по берегам рек Вертубани, Иргизи, малой Иргизи, Санзалеи, Березовки — 13 432 десятины сенокоса и 10 211 десятин строительного леса. Земли выделялись от Саратова и вниз по течению Волги: по берегам рек Безымянной, Тарлики, Большой Тарлики, между реками Большая Тарлика и Камышевой, по реке Еруслан, в устье Нижнего Еруслана, в Яблонном Буераке. Всего таких пригодных к поселению мест в Астраханской губернии насчитывалось 70 тыс. десятин;

4) «...в Оренбургской губернии по реке Сакмаре, в сорока верстах от Оренбурга, от онаго ж в трехстах верстах до реки Канели, да ниже города Самары, по реке Волге, до устья речки Иргизаю и вверх по Изгизе весьма плодородные и выгодные земли...»;

5) «...в Валуйском уезде Белгородской губернии по речкам Журавке, Деркулу, Битке и Осколу на несколько сот дворов свободные же земли при довольном числе сенных покосов...»

Судя по преамбуле именного указа от 25 сентября 1763 г., объявленного президентом Канцелярии опекунства иностранцев графом Г.Г. Орловым⁶, сразу же после издания Манифеста 22 июля 1763 г. появились иностранцы, предлагавшие свои услуги в развитии новых для

России отраслей производства. Так, армянин Моисей Сарафов обещал развести в Астраханской губернии сады для открытия шелкового завода. Поскольку шелк издавна ввозился в Россию для изготовления дорогой одежды, составлял важную часть ее импорта, естественно, что верховная власть была крайне заинтересована в поступившем предложении, и реакция властей последовала в форме именного указа. Сарафому разрешалось выделить необходимое количество земель, не занятых российскими подданными. Кроме того, ему выдавалось 10 000 р. на 10 лет без процентов для покупки необходимого оборудования и разрешалось приобрести деревни с населением не более 300 мужских душ. Перед тем как получить все эти льготы, армянин должен был подписать соответствующий договор и дать присягу в вечном подданстве.

28 марта того же 1764 г. получил высочайшее утверждение доклад президента Канцелярии опекунства иностранцев графа Г.Г. Орлова⁷, в котором излагалась просьба иностранцев — голландца Людвига Бенетауля из Гааги и француза Докурта из Белефорта, а также двух их товарищей — разрешить им вывозить на поселение между Саратовом и Астраханью иностранных «хлебопашцев и разных художников».

Обращение этих голландцев и французов свидетельствовало, что инициатива верховной власти по призыву иностранных колонистов нашла отклик у предприимчивых иностранцев, пожелавших выступить в качестве посредников по привлечению иностранных поселенцев в Россию, зарабатывать на этом деньги, получать для себя дополнительные льготы.

Из текста доклада следует, что иностранцы оговаривали условия своей деятельности на новом поприще и размеры вознаграждений очень тщательно. Каждый из компаньонов просил по 4 000 р. в виде беспроцентной ссуды на 10 лет, на эти деньги они обязывались перевозить соотечественников, пожелавших отправиться в Россию, от их места жительства до определенной гавани, собрать их там, потом отправить морем до Санкт-Петербурга и, наконец, до нового места жительства в Поволжье. Иностранцы просили выдавать им на поездку за переселенцами по 6 р. в день, причем «безвозвратно», предполагая, что поездка в Европу и обратно займет 6 месяцев.

В случае успеха своего предприятия, если удастся привезти в Саратов не менее 100 семей, иностранцы просили выделить для них земли в Поволжье в тройном размере «против колонистов», построить за счет казны «...деревянные дома, всякой о четырех светлицах и одной кухне, с принадлежащими к тому конюшнями, всякая на четыре лошади, с сараями и погребями».

Мнение президента Канцелярии опекунства иностранцев Г.Г. Орлова по поводу прошения иностранцев в докладе императрице выражалось не

очень четко. Покажем это, процитировав его полностью: «...Их требования, кроме выстройки домов и подлежащих на проезд, по 6 руб. на день денег, дальнаго казне ущерба, в рассуждении, ежели они в намеренном желаемый успех получать, хотя не признается, однако без Высочайшего Вашего Императорского Величества повеления Канцелярия опекунства иностранных все онаго исполнить не может.

Чего ради Вашему Императорскому Величеству об оном всеподданнейше доношу, и повелено ль будет как оные требования ныне исполнить, так впредь по примеру тому ж поступать, ожидаю Высочайшего Вашего Императорского Величества указа».

Из первого абзаца следует, что канцелярия в лице ее президента возражала против удовлетворения требований иностранцев о постройке домов и выдаче 6-рублевых ежедневных компенсаций на проезд, считала их излишними. Но из-за нечеткой формулировки запроса президента императрице («повелено ль будет...оные требования ныне исполнить...») не ясно, все ли требования имелись в виду или делались исключения в отношении пунктов о строительстве домов и особых сумм на проезд.

Отсутствие четкой формулировки со стороны канцелярии не позволяет однозначно трактовать и краткую резолюцию, вынесенную императрицей: «Быть по сему», а следовательно, и суть законодательных норм: согласна ли была верховная власть оплатить дополнительные «командировочные расходы» и удовлетворить конкретные требования относительно построек? Вследствие этого Канцелярия получала возможность трактовать эти нормы по своему разумению.

Следующий законодательный акт 1765 г. свидетельствует, что вслед за жителями европейских государств появились и подданные России, пожелавшие выступить в качестве посредников в деле привлечения иностранных колонистов с получением за это вознаграждения. В июле 1765 г. был высочайше утвержден доклад президента Канцелярии опекунства иностранцев, из которого следовало, что уволенный с военной службы полковник Иван Филипович предложил канцелярии заключить договор, по которому он обязывался самостоятельно вызвать в Россию на поселение не менее ста иностранных семей⁸. В качестве вознаграждения он просил по 30 р. за каждую приехавшую семью и обещал, что провоз одной семьи до Киева будет стоить не дороже 20 р. Сумма в 50 р. за каждого иностранца показалась канцелярии приемлемой, и Екатерина II санкционировала эти условия.

Семьи, приглашенные полковником, планировалось селить в Валуйском уезде Белгородской губернии в соответствии с реестром порозжих земель, изложенным в Манифесте 1763 г. Для их отвода и межевания посылался капитан Батурлин с командой геодезистов. Однако на практике оказалось, что эти земли были уже заселены иностранцами на основе

более ранних указов, а также «выходящими из-за границы российскими беглецами».

Ясно, что государство не располагало точными сведениями о том, что происходило на якобы незаселенных землях: контроль за этим был еще недостаточно налажен. Канцелярия предложила для поселения иностранцев Богородицкую степь в Крапивецком уезде, которая пустовала и откуда несколько тысяч десятин земли уже было отдано «разных чинов людям в наем за малую цену». Решено было так и поступить: в соседних уездах все незаселенные земли осмотреть, «и что явятся земли сверх удовольствования волостных крестьян и прочих тамо поселившихся обывателей, в силу Межевой инструкции, против однодворцев отвести под поселение иностранцев».

О том, что претворение в жизнь норм Манифеста 1763 г. о поселении иностранцев в России было сопряжено с большими трудностями, свидетельствует и указ Сената от 22 марта 1765 г.⁹ Как следует из этого документа, часть территорий, предназначенных для иностранных переселенцев, оказалась самовольно занята помещиками, в некоторых казенных селениях «дач не произведено, земли не отмежёваны и урочища не означены», в казачьих селениях «дач не учинено и число земель не описано», на государственных землях поселились «без дач и крепостей» помещичьи крестьяне. Не был произведен отвод земли и дворцовым крестьянам, поселившимся между реками Волгой и Медведицей. По рекам Медведице, Хопру, Дону и впадающим в них речкам, «захватя все лучшие земли», проживали «старые жители, поселившиеся без указа».

Под городом Дмитриевском, ближе к Царицыну, располагались поселения волжских казаков, которые «весьма размножились», а документы о межевании этих земель отсутствовали. Казаки были вызваны с Дона (1050 семей) по указам Сената еще в 1731–1732 гг. и расселены по Волге, речке Былыклее, между Царицыном и Камышинкой по речке Илавле — от владений донских казаков до пригорода Дмитриевска. На эти земли они имели жалованные грамоты. Близ Царицына и в степных местах Астраханской губернии располагались казачьи поселения для содержания почтовой «гоньбы».

Часть казаков и однодворцев «немалое число земель распродали посторонним людям, в противность указов», а большую часть сдали в аренду — «отдали по записям на многие годы». Из-за этого происходили «споры и драки», сами однодворцы просили межевщиков отвести им участки «особо от помещиковых, покупных и наемных земель».

В Астраханской и Воронежской губерниях почти половина предназначенных для поселения иностранцев земель оказалась заселенной крепостными крестьянами гофмейстерины Нарышкиной. Ассессор Рейс, находившийся в Саратове при поселении иностранных колонистов, во вре-

мя осмотра степей с целью поиска мест для иностранцев получил от приказчика Нарышкиной копию с копии документа из провинциальной канцелярии, которым якобы удостоверялись права Нарышкиной на эти земли. Канцелярия опекунства без доказательств, «на одном приказчиковом показании», не могла согласиться с правами Нарышкиной на эти земли, требовала от нее и ее детей через своего секретаря предъявить документы или по крайней мере прислать поверенного для объяснений, но гофмейстерина отмалчивалась. Дети Нарышкиной овладели землями по реке Медведице более чем на 300 верст, в том числе городом Петровском и более чем 100 селениями, на которые не было «дач».

Жители Саратова и близлежащих мест — дворяне, купцы и разночинцы — имели зимовья, при них пашни и крестьян, на которых никаких прав у них не было, и не известно, платили ли помещицы крестьяне подушный оклад. Саратов оказался наполнен «не принадлежащими к нему жителями», в том числе так называемыми «малолетками» и «саратовскими дворянами».

Канцелярия опекунства иностранцев в связи с выявленными обстоятельствами опасалась расселять иностранцев на этих территориях и предлагала Сенату следующее:

В Саратове и прочих городах и крепостях на территории, предназначенной для поселения иностранцев, отмерить пашенную землю и прочие угодья своевольно поселившимся помещикам на наличное число крепостных душ «против иностранцев», т.е. столько же, но за плату — за каждую десятину брать по гривне, «по силе» Межевой инструкции учинить им «дачу». Если же новоявленным «владельцам» согласно действовавшему законодательству иметь крестьян не полагалось, последних предлагалось отписывать на императрицу согласно нормам той же Межевой инструкции.

Сенат согласился с этими предложениями и приказал выделить на каждую семью по 30 десятин земли и «учинить им дачу»; владельцам же, имевшим «дачи» и крепости, но не на всех крестьян, земли домерить. Хотя по Межевой инструкции за выделение новых земель и полагалось брать в казну за каждую десятину по 10 коп., Сенат предлагал Екатерине II выделить эти земли бесплатно, как и иностранцам. Высший орган управления мотивировал это тем, что «у тамошних старых жителей на иностранцев завидность внутренне вкорениться может», да и сбор этот «не весьма знатной суммы». До решения императрицы Сенат предписывал Канцелярии денег за отвод земель не брать.

Именной указ Екатерины II, изданный 8 декабря 1765 г.¹⁰, как и Манифест 1763 г., начинался с изложения мотивов поселения и приглашения иностранных колонистов на «пусто и бесплодно лежащие земли», «дабы выработыванием тех пустолежащих земель и доставлением торгов,

через получаемые произращения руками иностранных умножились пользы и выгоды как всего вообще Государства, так и каждого особ нашего подданного, приобретающего из того себе разные прибыли». Российским подданным приказывалось не только не мешать поселению иностранцев на специально отведенных для них землях, но и всячески помогать им при обустройстве на новом месте.

Этот указ имел важное значение в плане регламентации: он определял порядок межевания земель, выделяемых иностранцам для поселения. Эта мера была необходима для того, чтобы прекратить самовольный захват земель российскими подданными, и для представления о том, сколько же незаселенных земель имелось в той или иной губернии. Канцелярии опекунов иностранцев повелевалось производить межевание земель по следующим пунктам. Межевщикам, посланным канцелярией, приказывалось требовать от каждого владельца земель «самовольные сказки» о том, какое количество земель им принадлежит, а с владельцев, находившихся по соседству с незаселенными государственными землями, брать «подлинны крепости». В случаях, когда «в древние времена» земли были отведены под общее поселение, для всей общины в целом, а не каждому хозяину, приказывалось отмерять земельные участки каждому владельцу отдельно, оставляя за ним все урочища — озера, непересыхающие реки, буераки. В случаях же «самовольных владельческих границ», когда хозяева показывали больше, «нежели овладеть... в состоянии», межевщикам приказывалось брать у них «подлинны крепости» и закреплять за ними земли лишь в этих границах, до общего государственного размежевания. Для скорейшего проведения операции владельцам предписывалось подготовить крепости на земли заранее. Недовольным количеством земли, выделенным по крепостям, разрешалось дополнительно отмерять по 15 десятин пашни, усадьбы, гумна, пастбища, покоса и лесных угодий на каждую мужескую душу. Владельцу нарезалась дополнительная земля и на крестьян из расчета по 15 десятин каждого вида угодий на душу, которая закреплялась в вечное владение.

Излишки же земли приказывалось отрезать и отдавать под поселение иностранцам, следя за тем, чтобы не были отрезаны жизненно важные угодья. Каждому селению земли полагалось намерять «сряду, а не выбором». Селениям, располагавшимся по берегам рек и озер, давалась «полная дача десятин», которая дробилась в квадратные сажени, из общей суммы извлекался квадратный «радикс», и это число саженей отмерялось для поселения. Селение должно было располагаться в центре отведенной ему земли. Исключение делалось лишь в случаях, когда какой-либо вид угодий находился в удалении. Если селение располагалось на двух берегах реки, угодья отводились по обоим берегам.

Землевладельцы, у которых оказывалось меньшее количество земли, чем полагалось по «пропорции», и которые не просили прибавки, могли не предоставлять крепостей и получали находившуюся у них землю в вечное пользование.

Землевладельцы, имевшие неправильно оформленные крепости или не имевшие их вовсе, а также занимавшиеся на предназначенных для иностранных переселенцев землях рыболовством, бортничеством и другими промыслами, получали земли в соответствии с количеством поселян и нормами выделения земли, указанными выше. Но это касалось только поселившихся на пустовавших землях до запретительного указа Сената от 27 апреля 1765 г.¹¹

Указ этот был издан в ответ на донесение президента Канцелярии опекунства иностранцев графа Г.Г. Орлова, который в свою очередь получил донесение от ассессора Панова, назначенного смотрителем за иностранными поселениями на реке Хопре. Панов писал, что он не мог получить ни крепостей на земли, ни точного описания владений «поселенных по реке Хопру казачьих станиц». Казачий старшина Филат Вершинин объявил, что у него нет никаких документов на поселение, кроме грамоты от Канцелярии войсковых дел, разрешавшей казакам селиться на этой территории без указания четких границ их владений. Сенат рассмотрел этот доклад и приказал: в Астраханской, Воронежской и Казанской губерниях по реке Хопру из отведенных для поселения иностранцев земель без ведома канцелярии никому земель не давать, а в Военную коллегию послать указ, чтобы ее войсковые канцелярии межевщикам, посланным «для отмежевания под иностранцев земель», оказывали любую помощь и отвечали на их запросы немедленно.

Если к предназначенным для поселения иностранцев землям примыкали уже обмежеванные имения, именным указом 1765 г. их приказывалось оставлять без всяких изменений. Особое внимание указ уделял лесным угодьям. Если они находились в отдалении от селения или по берегу реки, необходимо было выделить положенный по «пропорции» участок леса без речной части и провести к нему дорогу шириной в три сажени.

Самовольно поселившимся надо было отмеривать положенную долю лесных угодий, только если леса входили «в вышеписанную о живых урочищах меру». В противном случае поселенцы получали половинную меру лесных угодий поблизости от их селений в пользование сроком на 10 лет.

Половинная доля лесных угодий отводилась самовольно поселившимся, то есть тем, кто не имел крепостей на земли или предоставлял неправильно оформленные или «сочиненные после запретительных указов» крепости, кто получал от государства земли с крестьянами для взимания оброка, а не в вечное пользование, но поселил на ней и своих кре-

стьян. Владельцы, у которых была положенная мера лесных угодий, в крепостях не отмеченная, имели право на равную с иностранными колонистами долю — 1,25 десятины леса на мужскую душу. Самовольно поселившимся в это количество засчитывался вырубленный ими лес.

Оставшиеся после размежевания свободные лесные угодья предназначались для иностранцев, их повелевалось наносить на планы, последнее — отсылать губернаторам. За самовольную рубку этих лесов грозил штраф: за каждую десятину нарушитель должен был заплатить цену в 10 раз большую его стоимости в данной губернии, за рубку нескольких деревьев высотой более 4 вершков (вершок равен 4,5 см) — штраф в размере 1 р. за дерево, а за деревья меньшей высоты — по 30 к. За дровяной лес взималось 10 к. за дерево. Половина сумм штрафов должна была идти на нужды Канцелярии опекунства иностранцев, другая половина — на вознаграждение доносчику.

Казенным селениям, которым земли и урочища ранее не отводились, а также живущим около Саратова солдатам и дворцовым крестьянам, занимавшимся земледелием, повелевалось намерить необходимое количество земель в соответствии с численностью мужского населения по вышеуказанной «пропорции». Земли приказывалось отмерять не каждому двору отдельно, а целому селению, «разом одной окружностью». Городским жителям отводились примыкавшие к городу земли.

Для отдаленных селений межевание должно было производиться отдельно, с условием, чтобы межа не шла через земли соседних владений. Небольшие хутора, представлявшие собой скотные дворы, хозяева которых числились в подушном окладе в больших селениях, в случае их удаленности и невозможности включения в одну общую межу приказывалось через полгода снести. Хутора, о которых письменно просил волостной управитель, разрешалось приписывать к крупным селениям поблизости, даже если их жители платили подушный оклад не в этих селениях. В прежних местах жительства этих хуторских крестьян земля на них не полагалась.

Проживавших в Саратове дворцовых крестьян, не «принадлежавших к жительству в городе», приказывалось переселить на другие дворцовые земли. Астраханскому губернатору поручалось выяснить, кто из разночинцев, проживавших в Саратове, положен в подушный оклад, о них сообщить межевщикам, чтобы намерить на них положенное количество земли. То же самое должно было делаться и в отношении крестьян помещичьих. Крестьян, не записанных за помещиками, приказывалось приписать к государственным. Предписывалось также проверить всех служилых людей на предмет наличия у них бумаг на землю. Больше никому в Саратове земель намеривать не разрешалось.

В указе говорилось, что некоторые помещики, самовольно захватив пустовавшие государственные земли, поселили на них людей «разных наций» (малороссиян, черкесов и др.), которых запрещалось закрепощать. Последним приказывалось отмерить такое же количество земли, как и великороссийским крестьянам. Малороссиянам и черкесам, состоявшим в казенном ведении, отмерялось то же количество земли.

Обо всех селениях, находившихся или примыкавших к определенным для поселения иностранцев территориям, приказывалось отправить ведомости в Канцелярию опекунства иностранцев с указанием количества душ, проживавших в них по последней ревизии, и кто в каком государственном окладе находится. Межевщики проверяли эту информацию на месте и, если количество жителей превышало указанное в ведомостях, брали у старост справки, кто и откуда в те селения сверх записанных в государственный оклад прибыл. Впрочем, и им предписывалось отмерить положенное количество земли, а справки о новых поселенцах незамедлительно послать из Сената в Межевую экспедицию.

Городу Петровску приказывалось отмерить на довольствие жителей по две «версты тысячных» с каждой стороны, а также все угодья (пашню, сенокосы, леса) на всех жителей, положенных в подушный оклад согласно «пропорции». Остальные земли обмежевать для поселения иностранцев. Другим городам полагалось намерить количество земли, прежде им отданное, если оно было не менее «двух пятисот сажених верст» во все стороны плюс пропорциональное числу жителей количество угодий. Если невозможно было отмерить это количество земли во все стороны от города, повелевалось «отмежевать, хотя и в одну сторону, токмо всю полную пропорцию». Саратову «выгонной» земли, предназначенной для скота, приказывалось пока не отмерять, оставив все по-прежнему.

При отводе земли не подлежали учету входившие в селения непригодные к земледелию или сенокосу земли — такие, как болота, заболоченные участки, речки и озера. Однако их необходимо было наносить на планы и записывать, кому они принадлежат.

Волжским казакам, переселенным в 1731–1732 гг. для содержания Царицынской линии, предписывалось отмерить количество земли, указанное в их дарственных грамотах. Эти земли простирались от владений донских казаков до пригорода Дмитриевска. Так как казаки находились в ведении Военной канцелярии, последняя должна была направлять в Канцелярию опекунства иностранцев, а также в Сенатскую межевую экспедицию сведения о точном количестве и расположении земель, отданных во владение волжским казакам.

Далее в тексте документа обращает на себя внимание интересная оговорка — данное межевание земель производилось с единственной целью: выделить земли под переселение иностранцев и поэтому произво-

дить межевание земель донских казаков пока не разрешалось, так как они обладали особыми привилегиями, и необходимо было прежде согласовать все с Военной коллегией. Межевание их земель откладывалось до «генерального в тех местах размежевания». Астраханскому губернатору приказывалось разобраться с землями казаков, поселенных для несения почтовой службы. В случае служебной надобности им предписывалось выделить землю согласно установленной пропорции или переселить их в другое место.

Если иностранное поселение оказывалось между русскими и ему не доставалось лесных угодий, иностранцы первые 10 лет имели право пользоваться лесными угодьями соседних селений, захваченных ими самовольно без «прежних дач». Иностранцы должны были предупреждать о своем приезде за два дня и ездить для вырубki леса не поодиночке, а всем селением, чтобы избежать драк и конфликтов с местным населением. При вырубке должен был присутствовать староста или нарочный селения, которому принадлежал лес, чтобы следить за его бережным использованием. Лес иностранцы могли использовать только на свои нужды, а не на продажу. Если земли, на которых местные жители имели свои промыслы, были переданы под поселение иностранцам, последние могли пользоваться ими в течение 10 лет на тех же условиях.

Под страхом уголовной ответственности запрещались ссоры и вредительство на границах владений местных жителей и иностранных переселенцев. Поскольку межевание проводилось только с целью отвода земель для поселения иностранных колонистов, межевщики отмеривали лишь пустующие земли, а не земли российских помещиков. Они не имели права выдавать какие-либо бумаги или крепости на земли, должны были лишь проверить «дачи и крепости», составить подробные планы и отослать их в Сенатскую межевую экспедицию. В этой работе им приказывалось всячески помогать и ни в коем случае не мешать.

Несмотря на значительное внимание верховной власти к отведению земли в Поволжье под поселение иностранных колонистов, практика показала, что часть этих земель была выбрана неудачно, и на законодательном уровне пришлось решать вопрос о переселении некоторых колонистов с одних земель на другие. Так, высочайше утвержденный доклад генерал-прокурора Вяземского от 27 октября 1778 г.¹² описывал сложную ситуацию, сложившуюся в таких саратовских колониях, как Тарлыковка, Краснополье, Кочетная, Краснорыновка, Кустаревая, Ровная и Привольная. В них случился неурожай озимой и яровой пшеницы, а также падеж скота. Усилились жалобы иностранных колонистов в опекунскую контору на непригодность отведенных для них земель к хлебопашеству. Оказалось, разлив Волги весной уничтожал их посевы, а грязная вода вызывала заболевания, поэтому колонисты просили у конторы финансовой помо-

щи, последняя обратилась с запросом к Канцелярии опекунства иностранцев, но и та не могла решить вопрос самостоятельно, сославшись на именной указ от 18 апреля 1775 г.¹³, которым приказывалось снабдить колонистов всем необходимым для земледелия и пропитания в последний раз и более такие просьбы не удовлетворять. В указе 1775 г. отмечалось, что не все иностранные колонисты, приехавшие в Россию, оказались добросовестными тружениками. Некоторые из них, получив различные ссуды, не обращали должного внимания на земледелие и вели «распутную» жизнь. Они также не возвращали взятые у государства на обустройство деньги и просили новых ссуд. Канцелярии опекунства иностранцев было приказано составить списки «добропорядочных» переселенцев и выдать им ссуду в последний раз. Тем же, кто не обращал должного внимания на ведение хозяйства, ссуду приказывалось не выдавать, но предоставить им 5-летний срок для погашения их задолженности перед государством. По истечении срока эти колонисты могли покинуть Россию, уплатив все свои долги, либо заниматься какими-либо ремеслами в городах, погашая выданный им государственный кредит. Для наблюдения за общественным порядком в селениях предписывалось в каждом из 13 округов назначить комиссара из отставных штаб- и обер-офицеров. Им выделялось жалованье в 250 р. в год на каждого, казенное жилье и 60 десятин земли. Чтобы предотвратить в будущем приезд «неблагоприятных» колонистов, с их «вызывателей» повелевалось брать письменные поручительства, в соответствии с которыми при неуплате колонистом выданной ему ссуды, ее взыскивали с «вызывателя».

Тогда контора собрала сведения о посеве и урожае ржи в этих колониях, о числе колонистов, проживавших в них. В докладе отмечалось, что бывший в 1774 г. при поселении колонистов в Саратове действительный статский советник Резанов не сообщил, что часть земель не пригодна к хлебопашеству. «Надежный человек», посланный конторой для изучения вопроса на месте, подтвердил правильность жалоб поселенцев. Поэтому опекунская контора предложила переселить колонистов на другие, действительно плодородные земли.

Саратовская опекунская контора просила Канцелярию опекунства указать наиболее удобные способы переселения иностранцев. Отмечалось, что в беседе князь Г.А. Потемкин (генерал-губернатор Саратовской и Кавказской губерний) предлагал генерал-прокурору Вяземскому для переселения колонистов «заводимую линию между Моздоком и Азовом». Генерал-прокурор просил разрешения у императрицы на переселение всех пожелавших колонистов на эти новые территории. Вяземский предлагал составить списки добровольцев, определить суммы расходов, необходимых для переезда, строения и прокорма на новом месте. Эти деньги предлагалось ассигновать из доходов Канцелярии опекунства иностран-

цев. Тем, кто не был согласен переезжать, предлагалось выделить более подходящие наделы земель из освободившихся после переселения. Императрица одобрила это предложение. Интересно отметить путь прохождения доклада от одной инстанции к другой. Саратовская контора, опираясь на жалобы колонистов, представила свой доклад Канцелярии опекунства иностранцев, последняя, видимо, не желая брать на себя ответственность за окончательное решение, обратилась к генерал-прокурору Вяземскому, а он в свою очередь к императрице.

Именной указ от 10 июля 1785 г.¹⁴, данный исполнявшему должность генерал-губернатора Саратовской и Кавказской губерний Г.Г. Потемкину, был направлен на развитие сельского хозяйства и инфраструктуры этих регионов, некоторые из его пунктов касались иностранных колонистов.

Во-первых, указ обязывал колонистов возвращать суммы, выданные для поселения в Саратовской губернии, в казну государства. Директорам экономии приказывалось оценить имущество и состояние дел колонистов и решить, какую сумму они могут ежегодно возвращать в казну, не испытывая при этом «отягощения». Если после осмотра директором домоводства оказывалось, что земли колонистов неудобны для ведения сельского хозяйства, им приказывалось выделить более удобные из казенных земель. Однако вторичная ссуда на обзаведение хозяйством при этом не предоставлялась. Числившийся за колонией Сарепта казенный долг в размере 48 748 р. приказывалось взыскивать со следующего года, по 6% в год. Колонистам разрешалось свободное разведение шелка и открытие почтовых дворов в степи для облегчения переездов и почтовой службы.

Рассмотренные нами законодательные акты показывают, что верховная власть России в лице Екатерины II уделяла большое внимание вопросу приглашения иностранных колонистов. Основной целью данной политики было заселение огромных неосвоенных территорий. Все вопросы, касавшиеся выделения земель для иностранных колонистов, детально оговаривались в специально издаваемых законодательных актах. Уже в Манифесте 1763 г. были четко определены основные районы России, выделенные для поселений иностранцев. Особое внимание уделялось регламентации их расселения в Поволжье и центральной России. На землях, выделенных для поселения иностранцев, русским помещикам не разрешалось селить своих крестьян, эти земли запрещалось продавать или сдавать в аренду без ведома Канцелярии опекунства иностранцев. Законодательно устанавливался размер надела земли, выделяемого на одну семью, определялся порядок выделения лесных, охотничьих и сенных угодий. Этот процесс должны были осуществлять и следить за соблюдением норм законов на местах Канцелярия опекунства иностранцев, ее контора в Саратове и выборные комиссары. В случаях, когда земля оказывалась

непригодной для земледелия, колонистам выделялись новые территории и оговаривался порядок переселения на них. Государство приветствовало инициативу как своих, так и иностранных подданных, выражавших желание выступить в качестве посредников в приглашении колонистов на незаселенные территории. Законы гарантировали иностранцам свободу вероисповедания, судебную защиту и свободное предпринимательство наравне с российскими подданными. Благодаря этой политике десятки тысяч иностранных переселенцев прибыли в Россию и стали ее подданными.

---

¹ См.: История России с древнейших времен до конца XX века: В 3 т. Т. 2. История России с начала XVIII до конца XIX века. М., 1996. С. 53, 55.

² Валентей Д.И., Кваша А.Я. Основы демографии. М., 1989. С. 35.

³ Народонаселение: Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 148.

⁴ ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т.16, № 11880. С.313–315.

⁵ Там же, № 11879. С. 312.

⁶ Там же, № 11937. С.387.

⁷ Там же, № 12109. С. 682–683.

⁸ Там же. Т. 17, № 12443. С.196–198.

⁹ Там же, № 12360. С.91–98.

¹⁰ Там же, № 12519. С. 451–458.

¹¹ Там же, № 12387. С. 219.

¹² Там же. Т. 20, № 14814. С. 757–759.

¹³ Там же, № 14302. С. 125–126.

¹⁴ Там же. Т. 22, № 16223. С. 426–427.